

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

А—Я

Второе издание, исправленное и дополненное

МОСКВА
«Международные отношения»

УДК 398(=81)(031)
ББК 82.3(=Сла)я2
С47

Редколлегия:
С.М. Толстая (ответственный редактор),
Т.А. Агапкина, О.В. Белова, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин

Славянская мифология: энциклопедический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Международные отношения, 2019. – 512 с.

ISBN 978-5-7133-1392-0

Подготовленное сотрудниками Института славяноведения Российской академии наук новое (2-е), исправленное и дополненное издание энциклопедического словаря «Славянская мифология» содержит толкование основных образов и символов славянской мифологии. Статьи посвящены славянским божествам, персонажам народной демонологии, обычаям славян, традиционным праздникам, мифологии животного и растительного мира, природных явлений и т.д.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

УДК 398(=81)(031)
ББК 82.3(=Сла)я2

- © Коллектив авторов, 2001, 2010
- © В. Черкашин, Г. Файфер, 2008
- © Подготовка к изданию, оформление.
ООО «Издательство “Международные отношения”», 2019

ISBN 978-5-7133-1392-0

inter-rel.ru

Предлагаемая читателю книга представляет собой переработанное и существенно расширенное издание энциклопедического словаря под тем же названием, изданного в 1995 г. Она содержит более 400 статей, посвященных отдельным темам (элементам, символам, стереотипам) традиционной славянской духовной культуры. Цель каждой такой статьи – очертить то культурное содержание толкуемого элемента мира, которое характерно для наивного (т.е. не научного), мифопоэтического сознания, проявляющего себя в традиционных верованиях, мифологических представлениях, обрядовом и бытовом поведении, фольклорных текстах и т.п.

Тематические рамки словаря весьма широки. В статьях рассматриваются:

явления природы и стихии (статьи Ветер, Вихрь, Вода, Воздух, Гора, Град, Гром, Дождь, Засуха, Затмение, Звезды, Землетрясение, Земля, Источник, Камень, Луна, Небо, Огонь, Пожар, Радуга, Река, Роса, Свет, Солнце, Тучи);

локусы внешнего, нежилого пространства (Ад, Граница, Дорога, Дунай, Ирий, Кладбище, Мост, Перекресток, Рай, «Тот свет») и внутреннего, освоенного пространства (Гумно, Дверь, Двор, Дом, Колодец, Крыша, Мельница, Могила, Окно, Очаг, Печь, Порог, Чердак, Труба, Угол);

растения (Барвинок, Береза, Бобы, Бузина, Верба, Грибы, Груша, Дерево, Дуб, Ель, Зверобой, Капуста, Кизил, Конопля, Крапива, Лещина, Липа, Мак, Оляха, Омела, Орех, Осина, Папоротник, Рябина, Тис, Чеснок, Шиповник, Ясень);

животный мир (Аист, Алконост, Бабочка, Божья коровка, Бык, Волк, Ворон, Гады, Еж, Жаворонок, Заяц, Змея, Коза, Конь, Корова, Коршун, Кошка, Крот, Кукушка, Ласка, Ласточка, Летучая мышь, Лягушка, Медведь, Муравей, Мышь, Насекомые, Олень, Орел, Пчела, Рыба, Собака, Сова, Черепаха, Шерсть, Ящерица);

языческие боги и персонажи христианской мифологии (Ангел, Белобог, Берегини, Бог, Богородица, Варвара, Власий, Волос/Велес, Георгий, Дажьбог, Илья, Иоанн Креститель, Иуда, Касьян, Кузьма и Демьян, Мокошь, Николай, Параскева Пятница, Переплут, Перун, Рувит, Сатанаил, Сварог, Свентовит, Святые, Стрибог, Тодор, Триглав, Троян, Хорс, Чернобог, Яровит);

демонические персонажи низшей мифологии (Банник, Бес, Богинка, Вампир, Василиск, Ведьма, Великан, Вештица, Вий, Ви́ла, Водяной, Волколак, Двоедушники, Дворовой, Див, Домовой, Дух-обогатитель, Заложные покойники, Здухач, Злыдни, Змей, Караконджул, Карлики, Кикимора, Коровья Смерть, Леший, Лихорадки, Мавки, Мора, Нави, Нечистая сила, Овинник, Орисницы, Планетники, Подменыш, Полевик, Полудница, Род, Русалка, Стрига, Суденицы, Фараонки, Хала, Хтонические существа, Черт, Шуликуны);

мифологизированные лица (Близнецы, Волхвы, Гончар, Гость, Дети некрещеные, Жених, Женщина, Знахарь, Инородец, Колдун, Крестные родители, Кузнец, Мельник, Музыкант, Невеста, Нищий, «Одномесячники», Охотник, Пастух, Пахарь, Повитуха, Покойник, Предки, Пряха, Ребенок, Сирота, Старик);

народный календарь (Андреев день, Благовещение, Божье тело, Вербное воскресенье, Весна, Воздвижение, Вознесение, Воскресенье, Вторник, Дмитриев день, Задушки, Задушницы, Зима, Иван Купала, Игнатов день, Ильин день, Календарь народный, Карачун, Коляда, Крещение, Лето, Масленица, Новый год, Осень, Пасха, Петров день, Покров, Поминальные дни, Понедельник, Праздник, Преображение, Пятница, Радуница, Рождество, Русалии, Святки, Семик, Сорок мучеников, Среда,

Страстная неделя, Страстной четверг, Сретенье, Суббота, Трифона день, Троица, Четверг, Юрьев день; часть праздников получает описание в статьях, посвященных чувствуемому в этот день святому; даты православного календаря при отсутствии специальных оговорок даются по старому стилю);

ритуалы и ритуальные действия (Бесчинства, Битье посуды, Благопожелание, «Борода», Брань, Братчина, Венчание, Встреча, Выгон скота, Гадание, Дар, «Деды», Додола, Жатва, Жертва, Залом, Заумь, Земледелие, Качели, Колядование, Кормление, Костер, Кострома, Кража, Кукуеры, Кукиш, Купание, Курбан, Лазарки, Марена, Молчание, Нестинарство, Обет, Обман, Оборотничество, Обходы, Обыденные предметы, Окуривание, Опахивание, Перевоначивание предметов, Пережин, Побратимство, Погребение, Погребение вторичное, Полазник, Пост, Похороны, Похороны животных и растений, Похороны-свадьба, Поцелуй, Приглашение, Проклятие, Пролезание, Прощание, Пускание по воде, Ряжение, Свадьба, Сглаз, Скотоводство, «Слава», Слезы, Смотреть, Снование, Ткачество, Узел, Хлеб-соль);

ритуальные предметы и объекты (Алатырь, Амулет, Бадняк, Венок, Гроб, Зеркало, Идолы, Икона, Кольцо, Мартеница, Колокол, Крест, Куриный бог);

орудия труда, утварь, посуда, одежда (Борона, Веник, Веретено, Горшок, Гребень, Дежа, Замок, Игла, Ключ, Колесо, Лестница, Ложка, Мусор, Нож, Обувь, Одежда, Пест, Посох, Пояс, Прялка, Рубаха, Сеть, Сито, Стол, Ступа, Топор, Фаргук, Шапка);

пища (Блины, Вино, Еда, Зерно, Каравай, Каша, Квас, Кисель, Кутья, Мед, Молоко, Печенье, Питье, Соль, Хлеб, Яблоко, Яйцо);

вещества (Воск, Железо, Золото);

человек (Борода, Волосы, Гениталии, Глаза, Глухота, Голова, Голос, Душа, Зубы, Кости, Кровь, Ноги, Ногти, Рот, «Рубашка», Рука, Сердце, Сон, Тень);

мифологизированные признаки, периоды и состояния, категории культуры (Беременность, Брак, Богатство, Веселье, Время, Грех, Доля, Имя, Коитус, Колючий, Круг, Месячные, Нагота, Начало, Обереги, Свой-чужой, Смерть, Траур, Цвет, Число);

болезни (Бесплодие, Бессонница, Болезнь, Колтун);

фольклорные мотивы (Антропогонические мифы, Житие растений и предметов, Жертва строительная, Инцест, Клад, Мировое дерево, Обмирание, Переправа, Сотворение мира, Судьба, Чудо).

В совокупности эти статьи должны дать представление о традиционной «картине мира», о тех способах осмысления, категоризации и оценки явлений окружающей действительности, которыми пользовался носитель культурной традиции, познавая мир и взаимодействуя с ним в своей практической деятельности. Приведенный перечень, конечно, не исчерпывает всего состава культурных символов и всего содержания народных представлений славян о мире и человеке, но мы старались отбирать те единицы символического языка, культурные функции которых выражены наиболее ярко. Трактовка каждого отдельного явления или реалии в народной культуре не может быть изолированной: если речь идет, например, о каком-либо конкретном растении, то его культурные функции и символика могут быть поняты только в ряду других элементов того же «культурного кода». Смысловые связи и отношения между отдельными культурными реалиями в тексте статей выявляются при посредстве отсылок (полужирным). Чтобы облегчить читателю восприятие отдельных статей и дать ему представление о традиционной народной культуре как целостной системе, о символическом языке и мифологическом содержании этой культуры, а также об основных источниках и направлениях ее изучения, мы публикуем обобщающую работу акад. Н.И. Толстого «Славянские верования».

Слово «мифология», фигурирующее в названии книги, может пониматься по-разному и потому требует пояснения. У славян не было мифологических текстов в собственном смысле слова, подобных, например, древнегреческим. Единой праславянской «высшей» мифологии (т.е. пантеона языческих богов) реконструировать не

удается: киевский пантеон отличался от поморского, а у южных славян вообще не было пантеона. Народная традиция славян не сохранила практически никаких следов верховных божеств, в то время как «низшая» мифология (верования в чертей, водяных, домовых, русалок, духов растений и животных, демонов болезней и т.д.) отличается значительным единством и чрезвычайной устойчивостью. Стремление поднять славянскую мифологию до уровня классических мифологий древнего мира побуждало романтически настроенных исследователей домысливать славянских языческих богов, извлекая их имена из фольклорных текстов, песенных припевов и т.п. или просто изобретая их (Купала, Коляда, Кострома, Ладо, Лель и т.п.). См. статью **Кабинетная мифология**. Таким образом, в настоящем словаре мифология трактуется как система мифологических представлений о мире, составляющих содержательную основу большинства жанров и видов народной культуры.

Статьи словаря написаны научным коллективом, создающим пятитомный этнолингвистический словарь «Славянские древности» под общей редакцией Н.И. Толстого. К настоящему времени издано два тома: т. 1. А–Г. М., 1995 и т. 2. Д–К (Крошки). М., 1999. В отличие от «большого» словаря, настоящий, «малый» словарь адресован не столько специалистам, сколько широкому кругу читателей, поэтому в нем опущена необходимая в научных изданиях подробная документация (библиографическая и географическая) приводимого материала. Кроме того, в «малом» словаре отдельные славянские традиции представлены неравномерно: главное внимание уделено восточным славянам (прежде всего русским), а сведения по западно- и южнославянским традициям даются в основном в качестве параллелей. Народная терминология и фразеология, а также фольклорные тексты на диалектах русского, украинского и белорусского языков приводятся в орфографии источников, в некоторых случаях в несколько упрощенном и приближенном к русской орфографии виде.

При отдельных статьях указывается наиболее доступная литература на русском языке. Более подробную библиографию см. в книге: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. Для дальнейшего знакомства с темой мы можем рекомендовать следующие общие труды по традиционной духовной культуре славян (содержащие дальнейшие отсылки к более специальной литературе):

Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А–Г; 1999. Т. 2. Д–К (Крошки).

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

«А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу»: справочно-библиографические материалы. М., 2000.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Власова М. Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб., 1998.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Круглый год. Русский земледельческий календарь / сост. А.Ф. Некрылова. М., 1991.

Русские. М., 1997.

Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т.А. Новичкова. СПб., 1995.

Очерки истории культуры славян. М., 1996.

Славянский и балканский фольклор. М., 1971–2000. Вып. 1–9 (серийное издание).

СЛАВЯНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ

Древней религией славян, их мировосприятием было язычество. Оно охватывало всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной, вернее, культуры производственной, охотничьей и собирательской, так как эта культура вся была проникнута убежденностью ее носителей в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех трудовых процессах. Славянское язычество не было обособлено от верований родственных и соседствующих со славянами народов, оно является самостоятельно развившимся в первое тысячелетие нашей эры фрагментом древней индоевропейской религии. Почти полное отсутствие свидетельств о славянской религии до VI в. и малое их число, относящееся к периоду с VI по XI в., вынуждает ученых восстанавливать древнейшую славянскую религию, используя современный материал (записи XIX–XX вв.) и применяя сравнительно-исторический метод, подобный тому, который применяется в лингвистике. Сравнительно-исторический метод вкупе с ареально-типологическим и культурно-географическим (отчасти и лингвогеографическим) дают возможность выделить архаические явления из массы инновационных и с относительной долей вероятности представить их как праславянские, то есть древнеязыческие. При этом в отличие от христианства, представляющего собой достаточно цельную, устойчивую, структурно единообразную, закрытую систему догматов и религиозных символов, славянское язычество являлось неоднородной открытой системой, в которой новое уживалось со старым, постоянно дополняло его, образуя целый ряд напластований. Действительно, если воспользоваться традиционной научной терминологией, можно сказать, что славянское язычество содержало в себе не только свойственные ранней стадии религиозного развития аниматические верования (т.е. убежденность, что все в природе живое – и камень, и огонь, и дерево, и молния, и т.п.), но и анимические (т.е. представления о душе), сочетающиеся, вероятно, с более поздними воззрениями о трансцендентности души (т.е. способности переходить в другую плоть) и о способности сверхъестественных персонажей к различным метаморфозам – превращениям то в козла, то в собаку, кота, копну сена, черный клубок, в младенца и т.п. Сверхъестественные персонажи, после обращения славян в христианство получившие название **нечистой силы**, имели человеческий (антропоморфный), звериный (зооморфный) или смешанный антропоморфно-зооморфный облик. Этой сверхъестественной силой, по убеждению древнего славянина-язычника, была населена вся вселенная, с нею приходилось иметь дело и она была опасна, хотя и не всегда вела к плохому или трагическому исходу. Эту силу можно было умиловить и даже отпугнуть, что и совершалось согласно особым ритуалам и традициям. Постепенно из этой среды сверхъестественного выделились языческие боги, о которых мы имеем достаточно смутное представление. Видимо, к VI в. славяне имели не только нечто напоминающее пантеон богов или ряд местных «племенных» пантеонов, но и были близки к монотеизму, к верованию в верховного, еще не христианского, единого бога.

Это можно предполагать, опираясь на свидетельство византийского историка Прокопия Кесарийского, сообщающего в своем сочинении «Война с готами» о том, что славяне веровали в Громовержца как высшего из богов и приносили ему в жертву волов и быков. Тем не менее элементы единобожия, возможно, даже локальные, не вытесняли и не вытеснили многобожия, пусть не ярко выраженного и сливающегося на

другом полюсе с духами природы, домашнего очага, демонами болезней и повальных бедствий.

Христианство лишь частично уничтожило довольно свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей. Бытовое христианство предоставило языческим мифологическим персонажам и представлениям, как уже говорилось, статус нечистой силы, отрицательного духовного начала, противостоящего силе «крестной», чистой и преисполненной святости. В фольклорном представлении небо оказалось занятым силами небесными, праведными и божественными, а преисподняя, подземный мир, болота, ямы и овраги – силами нечистыми и темными. Земля – место борьбы двух миров и начал, а человек и его душа – средоточие этой борьбы. При этом воля Божья и промысел Божий господствуют над всем и определяют все. Такое народное христианское мировоззрение, типичное для славян обеих конфессий – православной и католической, нельзя считать двоеверием, поскольку оно цельно и представляет собой единую систему верований. Белорусская или польская крестьянка, почитающая св. Николая Угодника и в то же самое время производящая различные манипуляции, чтобы уберечься от ведьмы на Ивана Купалу или в другую пору, не поклоняется двум богам – Богу и Мамоне, а имеет свое определенное отношение и к одному, и к другому миру. Эти отношения в ее представлении не противоречивы, они естественно дополняют друг друга.

Если же посмотреть на генезис, на происхождение народных воззрений о божественной силе и воззрений о силе нечистой, то первые восходят к христианству, а вторые – во многом к славянскому язычеству. Это давало основание еще в XIX в. говорить о распространенном у славян, в первую очередь у русских, двоеверии. Притом понятие двоеверия употреблялось не столько применительно к историческому процессу и истокам народных религиозных верований, сколько к самому характеру этих, уже устоявшихся, верований, к эпохе XIX – начала XX в. Однако если рассматривать этот вопрос с генетической точки зрения, с точки зрения истоков народной духовной культуры, придется признать, что таких истоков или источников было более двух – христианского и языческого. Существовал еще третий источник, во многом принятый славянами совместно или почти одновременно с христианским. Это народная и городская культура, которая развивалась и в Византии, и отчасти на Западе. Так проникали в славянскую среду элементы поздней античности – эллинизма, мотивы ближневосточных **апокрифов**, восточного мистицизма и западной средневековой книжности, которые, вероятно, в славянской народной культуре и религии не функционировали и не воспринимались как определенная система, но которые придавали всей славянской культуре эпохи первого тысячелетия определенный облик, лицо, полноту и разносторонность ее внешних – формальных – и внутренних – идеологических и смысловых – проявлений и сущностей. С некоторой осторожностью или условностью к элементам обозначенной нами «третьей» культуры можно отнести юродство (впоследствии ставшее одним из церковных институтов), скоморошество (периодически то гонимое, то поддерживаемое властью имущими), городскую карнавальную, ярмарочную и лубочную культуру, дожившую до нашего века и имевшую свою автономную эволюцию и свои локальные пути развития. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести известный пример ранней росписи киевского Софийского собора, где помимо церковных фресок, выполненных в классическом византийском стиле, на стенах лестницы, ведущей в несохранившийся княжеский детинец, изображены гудцы, скоморохи, потешники. Всему определено место.

Если бы все сводилось к «двоеверию», то есть к двум компонентам, к двум источникам славянской народной духовной культуры в конце I и в начале II тысячелетия нашей эры, культуры, которая имела последовательное и непрерывное развитие до наших дней, вопрос выявления элементов славянских дохристианских языческих древностей решался бы относительно просто. Все, что оставалось бы за вычетом

христианских институтов, черт и особенностей, хорошо известных по многочисленным письменным свидетельствам, можно было бы отнести на счет дохристианского язычества, объяснить как его продолжение, развитие или реликты. Однако дело осложняется в значительной степени наличием фрагментов «третьей» культуры, заимствований и собственно славянских инноваций общего и особенно локального происхождения.

Древние славянские представления о мироздании восходят к индоевропейским временам, и поэтому они отличаются большой архаичностью и в то же время некоторой расплывчатостью и неустойчивостью своих форм и проявлений. **Земля** славянам представлялась плоской, либо плавающей в воде, либо стоящей на четырех быках, от резких рывков которых происходили землетрясения. Считалось, что у земли есть свой край, хотя дойти до него нелегко, это мало кому удавалось и оттуда не было возврата. Небо воспринималось как нечто напоминающее натянутую над землей бычью шкуру, медный ток (площадку для молоты), большую крышку от посуды и т.п. На небе пребывали солнце, луна и звезды. Небес насчитывалось много – до семи (ср. выражение: «Быть на седьмом небе»). Эти небеса растворялись в исключительных случаях и в особые дни (ночи), а также во время большой грозы.

Солнце – источник жизни на земле и по сей день называется на Карпатах «ликм Божьим», в других местах – «оком Божьим». В славянском фольклоре оно вместе с месяцем и отдельными планетами персонифицируется, наделяется эпитетами «красное», «ясное», «жаркое» и т.п. Каждые сутки солнце окунается в море или уходит за край земли (под землю), чтобы немного остыть и затем появиться вновь. В определенные дни оно «брачается» с землей («играет»); его годовому циклу подчинен год славянского земледельца. Порядок крестьянских работ зависит также от фаз второго светила, погасшего, именуемого в славянских народных песнях братом солнца, иногда сестрой, – месяца (луны), «ясного», «светлого» и т.п. Если с солнцем у славян специальные магические действия не связаны, то месяц (луна) иногда оказывается объектом черной магии (ср. «похищение месяца» у болгар), персонажем многих заговоров («от зубов» и т.п.), местом обитания покойников. Новолуние у славян отмечалось нередко разжиганием костров или печением особого пирога, девичьим гаданием о будущем, свадьбами, началом новых работ – сева, посадки деревьев, строительства дома и т.п.

Помимо антропоморфного восприятия солнца и луны в славянской мифологии известны и их зооморфные облики. Солнце может представляться буйволом, волком, теленком, петухом, а месяц (луна) – коровой, реке козлом, бараном (ср. «рогатый» – облик молодого месяца).

Названия звездного неба отражают древние аграрные и в меньшей мере скотоводческие традиции славян. Так, Большая Медведица у болгар называется «кола» (телега) и состоит из «колес», «волов» и «волка», а «ралом» называется созвездие Орион, состоящее также из двух «волов», «рала», «пахаря» и «волков», собирающихся на них напасть. Плеяды у славян называются «курицей», «наседкой» (*квочка, кокошка*) или «стожарами», т.е. шестью, вокруг которых молотили жито.

Древние славяне, видимо, не знали соляной религии, то есть не поклонялись солнцу, как некоторые древнеиранские племена, не принимали дневное светило в качестве главного божества. Они также не были огнепоклонниками, хотя почитание огня небесного (молнии) и огня земного (сакрального костра и домашнего очага) занимало важное место в их мировосприятии и религиозном поведении. Воплощением небесной силы, вызывающей преклонение и страх, являлись **гром** и молния – по сути дела, одно явление с тремя проявлениями-ипостасями – грохотом, огненной вспышкой и ударом. В некоторых польских, украинских и белорусских диалектах, прежде всего в Полесье, эти ипостаси выражаются тремя словами: «гром, маланка (блискавка), перун». В русском языке и в ряде других славянских языков грозовая стихия выражается двумя словами: «гром и молния». Перун в ряде славянских диалектов означает силу, удар, производимый громом и молнией. Удар этот, по народным

представлениям, совершается каменным снарядом – окаменелостью, белемнитом, называемым громовой стрелой, перуновой стрелой и т.п.

В некоторых славянских зонах, прежде всего у сербов, хорошо сохранились индоевропейские представления о дождевых тучах как о небесных стадах крупного рогатого скота, об облаках как молочных коровах и о дожде как небесном молоке, оплодотворяющем и кормящем землю. Это выражается в ряде обрядов и действий, среди которых выделяются сербские плачи для отгона градовых туч. Так, в Западной Сербии вопленица выходит во двор навстречу туче и кричит: «Остановись, бычок! Не пускай твоих белых говяд (коров). Наши черные, они ваших переселят. Побьют ваших говяд (коров и быков)».

Из этого текста и других ему подобных ясно, что гроза с градом представляется как нападение небесного скота – туч – на землю, которую может защитить земной («черный») скот. Но тот же небесный скот может наградить небесным молоком – дождем. В Сочельник хозяин-серб выходит во двор, приглашает Бога к себе на ужин, а потом на вопрос из дома «Как на дворе?» отвечает, что всюду безоблачно, ведро, только над нашим домом облачно (тучи): это означает, что в доме всегда будет много молока и молочных продуктов. К диалогу нередко добавляется разъяснение: «На дворе облачно, у меня будут сливки, как толстый ковер». По общеславянским верованиям, пожар от молнии можно потушить только молоком или сывороткой, а никак не водой; в русских вологодских говорах белое градовое облако, идущее впереди черных туч, называется **быком**; Млечный Путь, согласно болгарской легенде, возник из лунного и звездного молока и т.п.

Мифологический символ или знак, а также эмблема (нарисованный знак) могут быть наделены одновременно несколькими смыслами. Так, например, дождь – небесная влага в облике туч – может быть не только молоком, но и семенем, оплодотворяющим землю. Такой смысл строится на противопоставлении «мужской – женский», «оплодотворяющий – оплодотворяемый, способный к зачатию и рождению». Так, например, в польской и сербской загадках «высокий тятка» расшифровывается как «небо», а «плоская мамка» – как «земля» (в то время как зять – «ветер», а девушка – «мгла»), что указывает на восприятие неба как мужского начала, а земли как начала женского. Аналогичные определения неба и земли известны в русских заговорах: небо – отец, а земля – мать.

Что касается формулы «мать-земля», то она широко известна у славян, в особенности у русских («мать-сыра земля») и сербов, и является не просто образным словосочетанием, а выражением сущности народных взглядов на землю, которая в русской традиции имеет еще эпитет «святая». Отношение к земле как к женскому началу, рождающему и плодоносящему, характерно не только для индоевропейской традиции, но и для древней Евразии в целом. Восточные славяне, в первую очередь русские, сохранили культ матери-земли в его очень архаических проявлениях, к которым относится запрещение бить землю палкой или чем-либо иным (кроме случаев ритуального битья, направленного на обеспечение плодородия), тревожить землю до **Благовещения**, пахать, вбивать в нее колья и т.п., плевать на землю (как и в огонь). Болгары в Западных Родопах считали, что, если землю пахать до Благовещения, из нее будет сочиться кровь. Нарушение перечисленных запретов могло привести к засухе и другим бедам. Широко известны обращения к земле и использование ее при клятвах, когда землю брали в рот, или ее, клали кусок дерна на голову: считалось, что земля праведна и не терпит неправды, она наказывает за клятвopреступление. Вера в святость, божественное начало и одухотворенность земли выступает в народном таинстве исповеди земле (получившем отражение в заключительной части романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).

Белорусские представления о беременности земли до Благовещения и запреты обрабатывать землю до этого дня связаны с древнеславянским делением года на два периода – лето и зиму. Весна и осень считались лишь начальной порой лета и зимы, порой, предвещающей пробуждение земли, отмечающей это пробуждение, и порой,

означающей засыпание земли, временное омертвление природы. Названия «лето» и «зима» одинаковы во всех славянских языках. Более того, лето в ряде славянских языков, в древнерусском и старославянском, означало «год», а исчисление годов мы до сих пор называем «летосчислением». Но лето и зима, видимо, у древних славян также делились на две части: рубеж приходился на день или ряд дней, когда лето и зима были в разгаре, на их «преполовение» (говоря языком церковного календаря). Таким образом, можно предположить, что в древнеславянском языческом аграрном календаре также были четыре точки, делящие год как бы на четыре части, но они не совпадали с современным европейским делением года на четыре сезона. Это древнее деление соответствовало или подчинялось периодам солнечного цикла, дням равноденствия и солнцезворота.

Уже упоминавшийся нами праздник Благовещения приходится на время весеннего равноденствия, а Воздвижение – осеннего равноденствия. Это – рубежи, когда земля «пробуждается ото сна» и «отходит ко сну», к зимней спячке. Почти у всех славян эти дни связаны с культом змей. На Благовещение змеи выходят из земли, а на Воздвижение они уходят в землю, и потому, по русскому поверью, в этот день нельзя ходить в лес. Две другие праздничные даты – рубежи времени: зимой – Рождество Христово и в середине лета – Рождество св. Иоанна Предтечи, более известное как Иван Купала (24.VI. ст. ст., 7.VII. нов. ст.), – почти совпадают с днями зимнего и летнего солнцезворота. Показательно, что на Ивана Купалу празднуется одна ночь – «купальская» ночь, а на Рождество – 12 дней от Сочельника до Крещения: от этих дней зависит судьба всего года. Эти дни у русских называются святками (святые вечера и страшные вечера), у южных славян (сербов, болгар, македонцев) – некрещеными или погаными днями. Они заполнены языческими ритуалами и действиями с ряжением, хождением по домам групп колядовщиков и ряженных, с обрядовыми бесчинствами, гаданиями и т.п., знаменующими начало нового аграрного года, поворот зимы на лето. Не менее ярко окрашены языческим духом обрядовые акты, совершаемые в «купальскую» ночь: возжигание огней у воды и прыганье через них, бросание венков в воду, купание, совершение бесчинств и общение с нечистой силой (против которой принимается ряд предохранительных мер).

Нельзя не обратить внимания на изоморфизм представлений, связанных с поведением мифологических персонажей в годовом и суточном временных циклах – своеобразных расписаниях действий этих персонажей. При этом дневному времени в сутках соответствует древнеславянское большое лето в году, ночи – большая зима, рассвету – весеннее равноденствие (Благовещение), вечерним сумеркам – осеннее равноденствие (Воздвижение), полудню – летний солнцезворот (день Ивана Купала), а времени от полуночи до первых петухов – двенадцатидневье в пору зимнего солнцезворота (святки, некрещеные дни) (см. также **Время**). Пора восхода и захода солнца – время, наиболее подходящее для магических действий, заговоров, колдовства, обращения к высшей, чаще всего нечистой, силе.

При этом нередко местом для упомянутых действий избирается межа: межевому времени соответствует межевое место (или наоборот). Межевое время – пора активного присутствия нечистой силы, когда она особенно опасна, активна и вместе с тем наиболее открыта, обнаруживаема. Полдень – почти миг, мгновение, когда появляются разная **полудница** или действуют иные бесы под другим названием. На святки, когда открывается преисподняя (а в самом конце святок, в ночь перед Богоявлением, на миг – и небеса), действуют разные бесы, но более всего сезонные, появляющиеся именно в это время: северновеликорусские **шуликуны**, южнославянские **караконджолы** и им подобные. На Крещение они исчезают, уходят в воду, и эту воду крестят (обряд Иордани), чтобы закрепить, «запечатать» их исчезновение. Так снова мирно сочетается христианство (православие) с язычеством, и первое символически торжествует над последним. Может быть, именно этот финал и позволяет сохранить все предшествующие языческие действия? В суточном цикле выделяется изоморфная святкам глухая пора ночи (по-пелесски «глупица»), когда особенно опасна нечистая

сила, которая усмиряется и исчезает с первым пением петухов. Петухи здесь действуют не менее эффективно, чем богоявленская Иордань с ее богоугодными песнопениями. Итак, полдень соответствует дню Ивана Купалы, а глухая послеполуночная пора – святкам или «нечистым» дням.

Для славянских обрядов годового цикла характерен культ деревьев, прежде всего **дуба**, у восточных и отчасти западных славян – **березы**, в меньшей мере – явора (клена), липы, в конкретных случаях и **вербы** (на Вербное воскресенье, Юрьев день). У южных славян широко распространен обряд сжигания рождественского (обычно дубового) полена-бадняка на домашнем очаге. В славянской годовом цикле ему соответствует восточнославянский ритуал сжигания соломенной куклы в купальскую ночь. В одной из сербских зон (около города Лесковац) бадняк воспринимался как антропоморфное существо: его пеленали в рубаху и, прежде чем клали на огонь, кормили и поили. Солома – обязательный атрибут не только купальского, но и рождественского обряда. На соломе, покрытой грубым крестьянским покрывалом, происходит у южных славян ритуальная трапеза в Сочельник. Солома – частый компонент родинного и погребального обряда: жизнь начинается и кончается на соломе, что типично для индоевропейских и неиндоевропейских народов. В разжигании огней (костров), в сжигании и постилании соломы видят черты или следы почитания солнца как источника жизни, света и тепла. Для этого есть определенные основания: ср. «игру солнца», которая происходит у славян на Купалу («солнце купается»), на Рождество, на Благовещение, на Воздвижение («солнце сдвигается»), а также на Пасху и в дни, связанные с Пасхой, на Троицу и др.

Солнечной символикой насыщен и фольклор, связанный с перечисленными праздниками, но Сочельник, Пасха и Троица изобилуют также обрядами и символикой, посвященными культуре предков. Известны весенние масленичные костры, которые зажигаются, чтобы «греть покойников», приглашение умерших «родителей» к сакральной трапезе в Сочельник или под Новый год (Васильев день), обычаем обметать могилы у русских на Троицу: ср. специальные поминальные дни, которые в Белоруссии имеют название «**деды**». Культ предков сочетается не только с солнечной символикой, но и с символикой и культом плодородия, пронизывающими и насыщающими всю обрядовую сторону славянского аграрного календаря. По славянским языческим верованиям, покойники («родители») активно влияют на судьбу земледельца, создавая благоприятные или неблагоприятные условия погоды. Притом «плохие», грешные, «заложенные» (по терминологии Д.К. Зеленина) покойники – утопленники, самоубийцы, опойцы, не отпетые и не принятые Богом, а иногда и землей, – могли предводительствовать градовыми тучами, подобно небесным быкам или пророку Илье. Наконец, по славянским верованиям, особенно ярко выраженным у сербов, покойники на «том свете» занимаются нередко теми же делами, какими они занимались на этом свете, на земле. На «том свете» также может быть хороший или плохой урожай той или иной культуры, и об этом можно узнать тогда, когда на небе появится двойная радуга: одна, обращенная дугой к земле, а другая – дугой к небу. Цвета **радуги** (вернее, толщина каждого цветового пояса) свидетельствуют о будущем изобилии или недороде хлеба (желтый цвет), вина (винограда) (красный цвет) и т.п. Поэтому у сербов и македонцев радуга нередко называется «вино-жито».

Судя по новым данным, собранным в Полесской экспедиции, главным образом по рассказам об «обмирании и посещении того света» и по некоторым старым записям, древние славяне не различали рая и ада (эти представления, видимо, пришли с принятием христианства), а верили в единый загробный мир, который мог находиться и далеко за морем, и на небесах, и в подземном царстве. По полесским верованиям, покойники в поминальные дни могут приходить в родные хаты с кладбища, и некоторые видят, как они идут домой и затем возвращаются на погост, как белые тени. Разнообразие представлений о «том свете» могло быть довольно древней особенностью славянских верований, точно так же, как и разноликость мифологического восприятия небесного свода, планет, всей вселенной. Нельзя не учитывать и диалект-

ности, локальности многих форм и явлений славянской народной языческой культуры, которая обнаруживается в наше время, но которая, безусловно, существовала и в праславянские времена.

Христианство, энергично потеснившее славянское язычество в сфере народной культуры и занявшее в ней доминирующие позиции, способствовало при этом и известной унификации, и внутренней систематизации языческих верований. Наиболее ярким примером систематизирующего воздействия церковной культуры на нецерковную языческую может служить соотношение и взаимодействие церковного и народного годового календарей.

Народный календарь внешне и формально всецело подчинен церковному календарю, циклическому празднованию господних и богородичных праздников, дней особо почитаемых святых (св. Николая, св. Георгия, св. Ильи, св. Дмитрия, св. Параскевы Пятницы, св. Варвары, св. Власия, св. Феодора Тирона и др.), памятных дней церковных событий, соблюдению постов. Но эта временная канва и определенная последовательность сакральных (священных) действий явилась во многом внешней регламентацией, не отменившей, а скорее наоборот, укрепившей, четче организовавшей и унифицировавшей параллельную с христианской (православной или католической) славянскую народную, по своей сути языческую, годовую обрядность. Этнографическая наука демонстрирует множество фактов перехода не закрепленных хронологически окказиональных обрядов (совершаемых «по случаю») в обряды календарные, годовые. Так, например, обряд прятания хозяина за пироги, призванный обеспечить урожай в грядущем году, исполняемый в Рождественский сочельник или на Рождество, был известен до недавнего времени у сербов в Косово и Метохии, в Герцеговине, Черногории, в Западной Болгарии и в восточном Полесье (село Кочици), а исполняемый в канун Нового года (в «Щедрый вечер») – на Черниговщине (Глуховский уезд). Но в той же Герцеговине около города Требинье сербы обращались к этому обряду сразу после сбора урожая и молотыбы и прятались не за пирог, а за кучу зерна, а в XII в., по сведениям хрониста Саксона Грамматика, балтийские славяне праздновали завершение летней страды испечением огромного медового пирога, за которым прятался жрец и спрашивал жителей острова Руяна (Рюгена), видят ли они его, на что получал ответ, что он все же немного виден за пирогом. Ритуальный диалог завершался пожеланиями, чтобы в будущем году хозяин совсем не был виден (за пирогом большего размера от большего урожая). Этот обряд дошел до нас в основном в качестве календарного, а не окказионального обряда, то есть по случаю окончания сбора урожая. На иной стадии перехода к календарному обряду находится обряд вызывания дождя, который у большинства славян исполняется во время засухи, а у русских он оказался календарно закрепленным и совершался на Троицу, после обедни, во время молебна, когда было принято ронять слезинки на дерн или на пучок цветов. Называлось это малое действие «плакать на цветы», и упомянуто оно А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине» и С.А. Есениным в стихах «Троицыно утро».

Большинство календарных (и не только календарных) обрядов у славян – провоцирующего свойства, то есть ставящих своей целью обеспечение обильного урожая, приплода скота, изобилия благ земных. Затем существует немало обрядов ограждающего, охранительного (апотропеического) свойства, защищающих от болезней, слеза, козней нечистой силы и т.п. В этом их языческая сущность. Так, битье вербой мальчиков после обедни в Вербное воскресенье с приговором «Верба бье, не я бью!», известное у восточных славян (Полесье), воспринимается как забава или как добрый обычай, оживляющий весенний праздник в преддверии Пасхи. Церковный календарь закрепил за обрядом битья детей вербой воскресенье перед Страстной седмицей и тем самым во многом сохранил этот обряд, в котором приговор имеет вполне «языческую» концовку: «Будь здоров, как вода! Будь богатый, как земля, и расти, как верба!» Обряд, как и праздник, оказался подвижным (не приуроченным к определенной дате), но обряд битья скотины вербовой веткой в целях приплода скота закрепился за Юрьевым днем (23.IV. ст. ст.).

В годичном календарном цикле сосуществуют две системы духовного воззрения и мироощущения – христианская и языческая: одна – обращенная к небу, божественному началу, другая – к земле, к началу плотскому, к плодам земным, к их изобилию, зависящему, по древним представлениям, не только от человека и Бога, но и от сил сверхъестественных. Эти два мировосприятия и миропонимания сравнительно легко уживались в славянском народном календаре еще и потому, что христианство с его годовыми праздниками побуждало верующих ежегодно переживать в молитве жизнь и страсти Иисуса Христа, а язычество воплощало во многих своих обрядах цикличность природных явлений: возрождение, расцвет, увядание и временную смерть, или «засыпание», природы. Присутствует в календарной обрядности и третий элемент, к которому можно отнести, к примеру, многие «театральные» действия: рождественский вертеп, отдельные маскарадные сцены, сюжеты, реквизит и персонажи, включенные в календарные обряды и обычаи. У южных православных славян наибольшее число ритуалов и обрядовых действий оказалось сконцентрировано на Рождестве, Юрьевом дне и примыкающих к ним дням, а меньшую притягательную силу имели Пасха, Троица, Благовещение, Иванов день, Ильин день; у славян восточных большинство обрядов приходится на дни, связанные с Пасхой, Троицей, Рождеством, Иваном Купалой, Благовещением и в меньшей степени – на Юрьев день, Ильин день и другие праздники.

Безусловно древнего языческого происхождения действия, связанные с так называемой магией первого дня. Такие действия совершаются на Новый год, но чаще на Рождество, когда имитируются сельскохозяйственные работы (пахота, сев, молотба) и когда детям дают в руки какой-нибудь инструмент, предмет и материал, чтобы у них спорилась работа, например девочке дают иглу, чтобы она начала хорошо шить. Однако подобные обряды совершались и в начале марта, что связано с древним календарем, когда год начинался с марта. К ним следует отнести болгарский обычай «мартеницы», когда 1 марта привязывают белые и красные шнурочки детям, девушкам и молодым на правую руку или шею, а на шею молодым животным и на стволы фруктовых деревьев, чтобы обеспечить плодородие. Шнурочки-«мартенички» носили до появления первой ласточки или аиста. Именно обряды и гадания, связанные с появлением первых перелетных птиц, первым кваканьем лягушек и т.п., являются самыми древними. Они предвещали начало лета (в обоих древних смыслах этого слова, т.е. «года» и «лета»), и с ними первоначально была связана так называемая магия первого дня.

У древних славян был и сохранившийся до сих пор культ воды. Этот культ был тоже связан с магией первого дня, но он был характерен и для многих основных годовых праздников. У южных славян – болгар, сербов и македонцев – рождественское утро в селе часто начиналось с того, что хозяйка шла к колодцу за свежей водой, а вся «старая» вода в доме выливалась (то же самое происходило в доме после выноса покойника). Затем после небольшого ритуала у колодца и перед дверьми дома вода вносилась в дом – появлялась новая вода. Хозяйка должна была соблюдать полное молчание, неся воду в дом, поэтому такая вода называлась «водой молчания», «молчальной водой». Вода является основным символом и «стихией» (см. **Вода**) в обряде праздника Крещения (Богоявления), сохраняющем ряд языческих черт и представлений (уход нечистой силы под воду, гадания и т.п.), она является неотъемлемой частью южнославянского юрьевского обряда, важным компонентом которого оказывается очистительное купание, и восточнославянского купальского обряда с тем же купанием, бросанием венков в воду и разжиганием костров у воды. День и ночь под Ивана Купалу называется на Русском Севере днем Аграфены Купальницы. Обливание водой молодежи происходит у западных славян нередко в пасхальные дни, а обливание у южных славян групп девушек, обряженных зеленью («додоле», «пеперуда»), практикуется во время засухи и имеет целью вызывание дождя. Обряды обливания связаны с культом воды небесной и земной и с ритуальным обеспечением плодородия. У древних славян было представление о непосредственной связи подземных и небес-

ных вод (туч), поэтому вызвать дождь можно было жертвоприношением маковых зерен, борща, которые опускали в колодец, и т.п. У славян сохранился культ источников и колодцев, многие из которых считаются целебными и священными.

С культом огня были связаны обрядовые костры, которые зажигались не только на Рождество и Ивана Купалу, но и на масленицу и Благовещение, а у восточных славян – в Великий четверг и иногда в Юрьев день и в Ильинскую пятницу. Древним славянским обрядом, сохранившимся почти до наших дней, было возжигание «живого огня» и его употребление как средства против эпизоотий – повальных болезней и мора скота. «Живой огонь» добывался трением сухого дерева (обычно липы, реже можжевельника) с особым ритуалом при полном молчании (ср. принесение «молчальной воды») и с обязательным условием тушения во всем селении «старого» огня. Нередко общеславянский обряд «вытирания» «живого огня», когда стадо рогатого скота прогонялось между двух огней, сочетался с прогоном того же стада через специально вырытый для этого случая земляной туннель или через «земляные ворота». Таким образом, очистительное действие огня усиливалось очистительным действием земли. В единичных случаях (на Нижней Волге) скот прогоняли («плавили») через проточную воду – реку, ручей, то есть пользовались очистительной силой воды. Так земля, огонь и вода выполняют в ритуале защиты от падежа скота одинаковые функции. Но наряду с упомянутым ритуалом существует и другой – «опахивание» – который может заменить или подкрепить ритуал с добыванием «живого огня». Чтобы защитить село или деревню от «коровьей смерти» – повальной скотской болезни, село «опахивали» вокруг, совершая при этом целый ряд дополнительных ритуальных действий. Оба обряда – общеславянские, с целым рядом вариантов, и оба обряда окказиональные, так как исполняются в случае падежа скота, а «опахивание» может совершаться и при эпидемии (чумы, холеры и т.п.).

Среди полукказиональных или полукалендарных обрядов, то есть приуроченных не к определенному дню, а к определенной поре, следует назвать действие, знаменующее окончание жатвы и именуемое чаще всего «бородой» или «божьей бородой». Известно оно почти всем славянам и заключается в том, что жнецы и жницы в конце жатвы оставляют на жнивье пучок колосьев, украшают его, нередко кладут рядом хлеб-соль, снедь, водку и поют дожиночные песни. В этом обряде также ярко выражен культ хлеба (еще не обмолоченного). Что касается специально испеченного сакрального хлеба-пирога, то он является неизменным атрибутом очень многих календарных и семейных праздников (рождественский пирог «чесница» у сербов, пасхальный «кулич», или «пасха», у восточных славян, свадебный «каравай» у восточных славян и т.п.). К этому же кругу явлений относятся и русские блины, обязательные на масленицу и на поминках. Все это – остатки язычества или продолжение языческих традиций, хотя многие рассмотренные нами символы и сакральные элементы выполняют ключевые ритуальные функции и в христианстве. Так, хлеб «замещает» в литургии Тело Христово; вода освященная – основа таинства крещения; святая вода способна защищать от бесовских наваждений и поползновений; огонь – лампадный и свечной – бескровная жертва Богу; земля – материальная сущность человеческой плоти («яко земля еси есть и в землю отыдеши»).

Таковы в самых общих чертах основные особенности древнего мировосприятия и религии, позволяющие (путем реконструкции) увидеть то целое, что составляло основу духовной культуры древних славян.

Н.И. Толстой

А

АД – часть «того света», где пребывают грешники, испытывающие муки за свои земные грехи.

У всех славян, прежде всего южных и восточных, книжные (церковные) представления об А. смешиваются с народными либо сосуществуют с ними, находясь нередко в противоречивом отношении даже в одних и тех же традициях. Православная книжная и народная традиция противопоставляет А. **раю**, а католическая с XII в. выделяет на «том свете» еще чистилище – переходное место из А. в рай. Наиболее архаичными верованиями можно считать те, по которым А. и рай территориально не расчленены, так что обитатели «того света» мучаются или блаженствуют по соседству. Такие представления отмечены, например, в полесских **обмираниях**, т.е. в рассказах о посещениях «того света». А. и рай воображаются то на небе, то на острове, то за морем, подобно **ирью**. В русской народной духовной поэзии А. и рай разделяет огненная река, в сербской – стена (Косаница в Черногории) или большая ограда (Старая Пазова в Среме).

Согласно сербским верованиям, все покойники находятся на небе (а не под землей или в «нижнем» мире), где А. и рай четко разделены (Косово), при этом рай занимает лучший, утопающий в цветах участок, а небесный А. – тот участок, где кипит деготь и мучаются грешники (Гружа, центральная Сербия), или рай и А. расположены на небе так, что рай выше А., населенного змеями и чертями, обьятого тьмой и дымом и навсегда лишено солнечного света (Косаница). В Боснии рай мыслится на небе, а А. – под землей, при этом А. весь охвачен огнем и у грешников горит то глаз, то рука, то все они варятся в котле (Височская Нахия). Такая картина А. типична для большинства славянских представлений.

Редкие примеры размещения А. на земле отмечены у гуцулов, помещающих А. на острове посреди моря, и у белорусов (Гродненщина), полагающих, что А. расположен на краю света в виде огромной горы, посреди которой горит огонь и кипят котлы с грешниками.

Синоним А. – *преисподняя* отражает представления об А., находящемся под землей, совпадающие или восходящие к древнееврейскому ветхозаветному представлению об А. как о «рве преисподнем», «царстве мрака» (Псалтырь), «стране тьмы и сени смертной», где сам свет подобен темной ночи (Книга Иова).

Сам А. мыслится как место обитания бесовской силы, место вечно пылающего огня (ср. церковнославянское «геенна огненная») и в то же время вечноного мрака, как глубокое темное подземелье (Польша), как озеро кипящей смолы (восточная Польша). Отсюда название А. – *смола* (восточное Полесье). Это название соотносится с древнеславянским представлением об А. как о «пекле».

В Белоруссии было распространено верование, что А. – пекло, находится под землей в болоте, что сама земля натянута, как кожа или шкура, над водой, а в этой воде на самом дне помещен А., наполненный грешниками и чертями. Ими управляет самый старый черт *Анцытар*, *Ничытар*, постоянно живущий в А. «на 12 цепях, за 12 дверями». Подобные представления об А. известны в сказках и быличках. Небольшие, но глубокие ямы на лугу и болоте белорусы зовут «чертовыми окнами»: это вход в А. Он может мыслиться у славян и как пропасть, овраг, пещера, колодец и быть входом на «тот свет» вообще. Для книжной апокрифической традиции характерны представления о «вратах адových», охраняемых стражниками-чертями, львом

(у западных славян), собакой (у южных славян), змеей (у русских старобрядцев).

Путь души на «том свете» проходит через мост в виде тонкого волоса, бревна, настила и т.п. (часто его ширина зависит от греховности души), пролегающего над А. – пропастью, кипящей смолой и т.п. Грешные души срываются и падают в А., а праведные проходят в рай. Мотив моста-волоса хорошо известен южным и отчасти восточным славянам. На Витебщине в печь хозяйка бросала три полена дров, для того чтобы они ей потом послужили кладками при переходе в рай через адскую реку.

А. – место вечных мук, отсюда диалектное болгарское (Родопы) и македонское (Прилеп) название А. *вечна*. Грешники мучаются вечно в огне, смоле, резе в воде, их бьют раскаленными прутьями, их пожирают змеи, черви, их подвешивают на крюке за ребро, за язык, они лижут раскаленную сковороду, страдают от жажды, голода, от капающей на голову раскаленной серы. Восточные славяне считали, что муки в А. прекращаются на Благовещение и с Пасхи до Вознесения. После Страшного суда адским мукам будут подвергнуты и бесы, а некоторые грешники будут от них освобождены.

Лит.: Афанасьев А. Заметки о загробной жизни по славянским представлениям // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1861. Кн. 3; *Соболев А.Н.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913 [то же в книге: «Мифология славян». СПб., 1999].

Н.И. Толстой

АИСТ – особо почитаемая птица, неделимая человеческими свойствами, охранитель и очиститель земли от **гадов** и прочей нечисти. Легенда, распространенная в Белоруссии, на Украине, в Польше и северо-западной Болгарии, связывает происхождение А. с человеком. Однажды Бог дал человеку мешок с гадами и велел бросить его в море или занести на высокую гору. Человек из любопытства развязал мешок, и вся не-

чисть расплодилось по земле. В наказание Бог превратил человека в А., чтобы он собирал и уничтожал змей, лягушек и других гадов и очищал от них землю. Со стыда у А. покраснели нос и ноги. А зад почернел оттого, что рассерженный Бог отхлестал А. прутом, огрел раскаленным железом или толкнул в грязь. По другой, украинской, легенде А. стал крестьянин, наказанный за то, что пахал в праздник. С тех пор А. всегда ходит за плугом. Поляки рассказывают также, что в А. был обращен косец в жилетке, у которого перед Христом спали штаны. Коса его превратилась в клюв, а с жилеткой сравнивают черно-белую окраску этой птицы. Говорят, что, прилетая весной, А. скидывает штаны и ходит в жилетке. Дети дразнят А., что он без порток, и выпрашивают у него жилетку. А женщины шутят, что концы от неровно до тканного полотна пойдут А. на штаны.

Люди называют А. человеческими именами: Иваном, Богданом, Адамом, Василием, Войцехом и др. А. приписывают многие человеческие особенности. Считается, например, что его ноги напоминают человеческие. Верят, что А. имеют душу и «чувствуют сердце» человека, понимают его язык и сами раньше умели говорить, как люди; что они принадлежат к христианской вере. Клекот А. принимают за отчаянные мольбы грешника, взывающего о покаянии. Часто рассказывают о том, как А. собираются вместе и справляют свадьбы. Самец и самка неразлучны и привязаны к детям. В случае гибели одного из супругов другой добровольно идет на гибель вслед за ним, а может покончить с собой и из ревности. Если самку заподозрят в супружеской измене, ее судят публично и убивают. Перед отлетом А. собираются на совет и решают, кого они не возьмут с собой. Родство А. с человеком видят также в том, что А. селятся рядом с людьми и не боятся их. Бывает, что они целой гурьбой стучатся в дом во время холодов, чтобы их впустили обогреться.

Представление об А.-человеке отражают и поверья о неведомой земле, куда А. улетают на зиму. По болгарским и македонским представлениям, в этой далекой заморской земле А. купаются в

волшебном озере и становятся людьми. Весной, искупавшись в другом озере, они вновь приобретают птичий облик и летят назад. По польским поверьям, они становятся людьми, омочив свой клюв в крови, а когда омочат себя в воде, вновь становятся А. В польском Поморье рассказывают о другом способе, каким А. возвращают себе птичий облик. Весной на берегу моря они хлопают в ладони, превращаются в А., перелетают море и возвращаются назад. Верят, что если человек попадет на берег того моря, то и он таким же образом может обратиться в А. и перелететь в землю аистов.

С первым увиденным весной А. связаны приметы. Летящий А. предвещает здоровье, резвость, урожай, замужество; неподвижный – боли в ногах, смерть, засуху, безбрачие; пара А. – замужество или роды. При виде первого А. бегут за ним, приседают, кувыркаются, чтобы не болели ноги; катаются по земле, прислоняются к дереву или плетню, чтобы не болела спина; завязывают узел, чтобы не видеть змей; бросают землю, взятую из-под ноги, в воду, которой кропят себя и дом, чтобы не было блох. На Волыни, в Полесье и в соседнем польском Подлясье на Благовещение пекут хлебцы с изображением ноги А., которые дети подбрасывают и просят А. об урожае. У южных славян дети приветствуют А. в надежде, что он принесет кошелек с деньгами.

Поверье, что А. приносит детей, особенно распространено у западных славян. А. вытаскивает их из болота, из моря, приносит в корзине, в лохани, в корыте, бросает в дом через дымоход. В Белоруссии во время празднования родин в дом приходил ряженный аистом и поздравлял с новорожденным. По приметам, ребенка следует ожидать там, где кружит А. Если он встанет на трубу во время свадьбы, у молодых будет ребенок. А. снится к беременности или рождению сына. Тема деторождения связана с фаллической символикой клюва А.: ряженный аистом на святки клюет девушек.

Гнездо А. на доме оберегает жилище от молнии и пожара, от града, злых чар и духов. Уход А. из гнезда грозит смертью кому-либо из домашних. Нарушение

запрета разорять гнездо и убивать А. сулит обидчику смерть, телесные уродства, слепоту, глухоту у детей, ущерб в хозяйстве, а чаще всего – пожар. Считается, что А. высечет огонь клювом или принесет в клюве уголь или головню и спалит обидчику дом. Среди других наказаний за вред, причиненный аисту, – засуха, наводнение, ливень, молния или ураган. Болгары считают, что А. – предводитель градовой тучи. Поляки верят, что А. разгоняет градовые тучи, а его клекот предвещает ливень и бурю.

А.В. Гура

А́ЛА – см. **Хала**.

АЛАТЫРЬ, л а т ы р ь – в русских заговорах, духовных стихах, былинах – камень, «всем камням отец» (один из основных элементов космоса), центр мира, наделяемый сакральными и целебными свойствами. Существует много этимологий мифонима («янтарь», «алтарь» и др.), но ни одна из них не является надежной. Постоянный эпитет А. в заговорах – «бел горюч (горяч)» – дает возможность предположить, что «алатырь» – калька с иранского слова «ал-атар», буквально означающего «бел-горюч».

В заговорах А. соответствует центру магических координат мира. Он находится на «синем море Окиане», на «острове Буяне», в пучине «Черного моря», на «Фаворской горе», в «чистом поле», «дьявольском болоте» и т.д. На нем стоит «мировое дерево», огненный столб, золотая церковь, золотой престол, золотое гнездо и т.п. На него помещены (или из-под него появляются) волшебные помощники, обеспечивающие успех заговора, под него бросаются ключи от болезней, из-под него растекаются по всему миру целебные реки и т.п.

В духовных стихах А. – сакральное место, где выпадает из тучи на землю «Голубиная книга» (А. сближается с Голгофой и каменными скрижалями, полученными Моисеем на горе Синай).

В былинах А. связан с «чужим» странством; у него ставит шатер Илья Муромец, выехав за пределы Руси; ка-